Тесное сотрудничество в продвижении духовных ценностей и культуры диалога с целью обеспечения мира и согласия между органами исполнительной власти и религиозными организациями, с одной стороны, между самими религиозными организациями и различными религиозными течениями − с другой, на наш взгляд, главные особенности развития межрелигиозных отношений в современной Калмыкии.

«Толерантность, пишет протоиерей В.Федоров, − привилегия сильных и умных, не сомневающихся в своих способностях продвигаться на пути к истине через диалог и разнообразие мнений и позиции»[1]. Классическая философия мудрых древних религий помогла духовным лидерам сохранить межконфессиональный и межнациональный мир на калмыцкой земле.

Список литературы

Агаджанян, А. Буддизм в современном мире: мягкая альтернатива глобализму / Религия и глобализация на просторах Евразии. − М., 2005.

Намруева, Л.В., Поканинова, Е.Б. Характеристика этнической и конфессиональной идентичности Республики Калмыкия // Социология власти. − 2009, − № 4.

Тойнби, Арнольд. Христианское понимание истории / Философия истории: антология. − М.: Аспект - пресс, 1995.

Кьябгон,Тралег. Сущность буддизма. − Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2007.

© Манжикова Э.К., 2010

Б.Б. Токарев

ФИЛОСОФСКИЙ ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ КОРРУПЦИИ

ТОКАРЕВ Борис Брониславович – специалист Департамента корпоративного управления Министерства экономического развития Российской Федерации (e-mail: Tokarev18@yandex.ru)

[1] Протоиерей В. Федоров. Межконфессиональный диалог и проблемы толерантности / Религия и гражданское общество: проблема толерантности. Материалы «круглого стола» (16 ноября 2002). − СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. − С. 38.

Аннотация. *Коррупция рассматривается в двух смыслах – широком (как социально обусловленная и постоянно воспроизводимая система отношений между индивидами) и узком (как злоупотребление должностным лицом служебным положением с целью получения определенных выгод). Выделены основные характерные черты коррупции.*

Ключевые слова: *коррупция, система, отношение, габитус, воспроизводство, злоупотребление, выгода.*

Коррупция известна давно и зачастую воспринимается как одно из условий функционирования современного общества. При этом только в последние годы исследователи акцентируют внимание на системном характере коррупции, она начинает осознаваться как социальное явление.

Прежде всего, отметим, что понятие «коррупция» не имеет однозначного определения. Современная наука предлагает различные подходы к изучению коррупции, отличающиеся по своей природе, моментов, на которых акцентируется внимание, масштабов исследуемого феномена.

Даже по поводу этимологии слова «коррупция» в научной среде возникают споры. Латинский термин «коррупция» означает порчу, подкуп, совращение, упадок, извращенность, плохое состояние, превратность (мнения или взгляда)[1]. Сам же латинский термин (*corruptio*) происходит от греческого слова, означавшего «грязь» и имеет более десятка значений. Среди них: повреждать желудок плохой пищей, портить воду в закрытой таре, расстраивать дела, расточать состояние, приводить в упадок нравы, упускать возможность, истощать источник. Следовательно, слово «коррумпировать» означало «подкупать деньгами, щедрыми раздачами или иными материальными благами» далеко не в первом его значении.

Кроме того, существует точка зрения, в соответствии с которой латинский термин «коррупция» происходит от слов сердце (дух) и портить (разрушать). Поэтому, согласно данной точке зрения, суть коррупции состоит отнюдь не в подкупе, продажности должностных лиц, а в нарушении единства какого-либо объекта или института, в том числе органов государственной власти[2].

С целью методологической редукции изучения феномена коррупции целесообразно вычленить два смысла его понимания – широкий и узкий.

Вместе с тем следует сразу же оговориться, что схожее членение в рамках изучения коррупционных процессов уже осуществлялось[3]. Под широким смыслом понималось использование общественной должности в лич-

[1] См.: Словарь иностранных слов. − М.,1995. − С. 369.

[2] См.: *Мишин, Г.К.* О теоретической разработке проблемы коррупции. / Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы; под ред. В.В. Лунева. − М. 2001. − С. 264.

[3] См.: *Кузьминов, Я.* Говорим − власть, подразумеваем − коррупция // Московские новости. − 1999. − № 45. − 23−29 ноября.

ных интересах, для получения личной выгоды, а узкий означал подкуп должностного лица. Такое деление не в полной мере соответствует целям и задачам нашего исследования, поэтому мы предлагаем определение иного порядка.

Под коррупцией в узком смысле слова мы понимаем злоупотребление должностным лицом служебным положением с целью получения определенных выгод.

В понимание коррупции в ее широком аспекте мы вкладываем следующий смысл: это система определенных неформальных отношений, которые заменяют собой официально допустимые правила поведения, зачастую подменяющих формальные отношения в социальных интеракциях между должностным лицом и «просителем». Иначе говоря, мы будем рассматривать коррупцию в широком смысле: и как отношение между индивидами, включенными в определенную сеть взаимодействий, т. е. как социальное отношение, и как некую структуру, усваиваемую индивидом во взаимодействии с обществом.

Необходимо отметить, что в качестве социального явления коррупция возникает и поддерживается на уровне неформальных социальных связей. Она может быть обнаружена на всех уровнях управления им, а также в системах, обеспечивающих его саморегулирование. Во всех странах коррупция становится достаточно распространенным нелегальным механизмом урегулирования отдельных вопросов, решения проблем, возникающих при функционировании общества.

В рамках широкого понимания коррупции мы будем рассматривать коррупцию как *отношение между индивидами*. В связи с этим представляется очевидным, что коррупция − это прежде всего отношение, в котором одна из сторон непременно является должностным лицом, но имеются в виду не все лица, «…а только те, которые наделены распорядительной функцией, и поэтому имеют возможность использовать недоработки системы в личных коррупционных целях»[1]. С другой стороны, этим лицам противостоит субъект, заинтересованный в получении неких услуг, благ и т. д., следовательно, это отношение обмена.

Под социальным отношением мы понимаем систему многообразных связей, возникающих между *индивидами* в процессе их экономической, социальной, политической деятельности. Однако, несмотря на то, что исследуемые отношения, по сути, представляют собой взаимодействия индивидов, мы отделяем их от личных отношений, т. е. тех отношений, которые основаны на непосредственных контактах, целью которых является, в том числе познание человека, его сущности, моральных переживаний. Таким образом, мы следуем за мыслью Ф. Энгельса, который, говоря о взаимоот-

[1] *Добреньков, В.И., Исправникова, Н.Р.* Коррупция: современные подходы к исследованию.− М.: 2009.− С. 34.

ношении рабочих и капиталистов, отмечал, что «отношение фабриканта к рабочему – не человеческое, а чисто экономическое»[1].

В связи с этим в ходе коррупционных интеракций общество достаточно условно может быть разделено на две большие нестабильные социальные группы: коррупционеров, т. е. тех, кто обладает возможностью распоряжаться ресурсами, одновременно стремясь получить определенную выгоду, и коррупциагентов, т. е. тех, кто пытается получить тот или иной ресурс, используя желание коррупционера обогатиться.

Специфической чертой описываемого феномена является непостоянство, нестатичность, динамика, постоянная изменчивость перечисленных социальных групп. Один и тот же индивид может выступать в различных ипостасях. В определенное время агент действует согласно своей роли коррупционера, а в следующий момент − как коррупциагент.

Мы считаем, что социальные отношения индивидов между собой в основном определяются интересами, зависящими от места каждого отдельного актора в социальной иерархии и определяющими стимулы и направленность деятельности. Интересы индивидов могут совпадать или не совпадать, и поэтому, на наш взгляд, эти две группы находятся в диалектическом отношении. При условии, что это взаимодействие выгодно или необходимо обеим группам, социальные отношения выражаются в сотрудничестве, при этом в случае если требования представителей этих социальных групп по отношению к представителям другой группы чрезвычайно высоки, то представители этих групп вступают в антагонистические отношения, возникают конфликты интересов.

На наш взгляд, такие столкновения могут быть разрешены лишь при условии выполнения данных требований одним из участников коррупционных интеракций. В противном случае, т. е. если конфликт разрешить таким путем не удается, это выливается в разоблачения одного из участников процесса.

Более того, некоторые авторы определяют коррупцию как ситуацию, когда вовлеченное лицо (или лица) имеют причины для проявления недовольства по поводу осуществления коррупционного акта и поэтому разоблачают коррупцию. Так, например, анализируя причины коррупции во Франции, В. Руджиеро сформировал соответственный подход к данной проблеме. По его мнению, лишь «недовольство, которое вызывает коррупционное поведение у некоторых из названных акторов, заставляет их «выставить его на свет» и заявить о нем как о коррупции»[2].

Мы должны подчеркнуть чрезвычайную плотность связей, характеризующую этот тип социальных отношений, когда переход из одной социаль-

---

[1] *Маркс, К. , Энгельс, Ф*. Соч. − Т. 2. − С. 497.

[2] *Руджиеро, В.* Франция как проявление недовольства / Коррупция и бюрократизм: истоки и пути преодоления. − М., 1998. − С. 58.

ной группы в другую может состояться практически со стопроцентной вероятностью успеха. Простота данного перехода во многом определяется характером коррупции. Как уже отмечалось, коррупция есть *система* неформальных взаимоотношений.

Внутренняя устойчивость является одной из основных характеристик коррупции, рассматриваемой в качестве системы. Такая устойчивость основывается на достаточно жестких иерархических связях, существующих между ее элементами. Участники коррупционного взаимодействия объединены общими интересами в обладании властью распоряжаться ресурсами, целями, направленными на обогащение, особыми ценностями, в том числе на «прикрытие» своих со-акторов по коррупционным взаимодействиям.

Целесообразно также отметить немаловажную характеристику коррупционного акта, понимаемого как отношение обмена, − степень добровольности его осуществления. Эта черта имеет основополагающее значение, поскольку, по сути, определяет уровень издержек, которые могут быть понесены при реализации коррупционного взаимодействия. При этом низкий уровень добровольности обмена чреват необходимостью использования формальных правил.

Различные коррупционные практики зачастую определяют характер социальных связей, влияют на взаимодействие индивидов друг с другом. В связи с этим для более глубокого понимания феномена коррупции целесообразно ввести в наше исследование понятие «*габитус*» (*habitus*), дословно − внешность. В широкий оборот оно было введено П. Бурдье. Габитусы, согласно Бурдье, порождаются средой, совокупностью условий социального существования. Они представляют собой результат индивидуальной истории и социального опыта индивида: «Являясь продуктом истории, габитус производит как индивидуальные, так и коллективные практики. А, следовательно, – саму историю в соответствии со схемами, порожденными историей. Он обеспечивает активное присутствие прошлого опыта, который, существуя в каждом организме в форме схем восприятия, мышления и действия, более верным способом, чем все формальные правила и все явным образом сформулированные нормы, дает гарантию тождества и постоянства практик во времени»[1].

Иначе говоря, габитус представляет собой «совокупность норм, правил, представлений, интересов, ролей, другими словами, всех символических компетенций, которые должен усвоить человек, приходя на данное место в обществе и обретая принадлежность к некой социальной группе»[2]. Если индивид занял определенное место в этой группе, то ему предъявляются

[1] *Бурдье, П.* Практический смысл. − М.: 2001. − С. 106.

[2] *Назарчук, А.В.* Осмысление коммуникации в современной французской философии // Вопросы философии. − 2009. − № 8. − С. 160−161.

строго определенные требования и конкретные параметры возможностей его действий. Принимая данные требования, соответствуя им, человек тем самым усваивает габитус. «Объективная гомогенизация габитусов группы или класса, вытекающая из гомогенизации условий существования, позволяет объективно согласовывать практики без стратегического расчета и сознательного соотнесения с нормами и делать их взаимно приспособленными при отсутствии какого-либо непосредственного намерения и, *a fortiori*, какой-либо эксплицитной договоренности»[1].

При помощи габитуса воспроизводятся различные практики и представления. Они становятся адаптированными к социальным отношениям. Если принять как данное, что коррупция есть социальное отношение, то правомерно считать, что габитусы способны порождать, кроме прочих, и коррупционные практики.

Узкий смысл коррупции, максимально объемное определение которого было приведено выше, имеет массу дефиниций, предлагаемых различными представителями научной среды. Но, по нашему мнению, наиболее емкое и методологически верное определение коррупции сформулировал К.В. Кузнецов, утверждающий, что коррупция представляет собой «осознанное, добровольное злоупотребление должностным лицом своими непосредственными обязанностями в пользу третьих лиц»[2].

Данное определение, несмотря на известную широту, обнаруживает ряд преимуществ перед прочими дефинициями.

1. Всякий коррупционный акт представляет собой злоупотребление должностным лицом своим служебным положением и, таким образом, своими обязанностями, приобретенными по роду службы.

2. Коррупция предполагает злоупотребление должностными обязанностями именно в пользу третьих лиц. Следовательно, когда должностное лицо использует свое положение не в пользу третьих лиц, а в свою собственную, тогда, пожалуй, речь идет не о коррупции как таковой, а о воровстве, хищении.

3. Одним из безусловных условий признания акта злоупотребления служебным положением является его осознанный характер: неосознанность соответствующего акта может свидетельствовать либо о расплывчатости должностных обязанностей, либо о недостаточной компетентности должностного лица.

4. Коррупционные отношения всегда носят добровольный характер: представляется не вполне очевидным рассматривать в качестве коррупционного злоупотребление, возникшее в результате шантажа, рэкета, а также по приказу (не просьбе) вышестоящего руководства.

---

[1] *Бурдье, П.* Практический смысл. − С. 114.

[2] *Кузнецов, К.В.* Коррупция в менеджменте. − Казань, 2005. − С. 14.

Вместе с тем определение коррупции, предложенное К.В.Кузнецовым, имеет ряд недостатков, в частности, оно не предусматривает получение определенных благ для должностного лица в результате осуществления должностного злоупотребления. Кроме того, по нашему мнению, наиболее полное определение исследуемого феномена должно включать в себя некий момент активности: любой коррупционный акт представляет собой активное действие. В связи с этим, а также в соответствии с нормами русского языка, суть коррупционного поведения наиболее правильно отразить словами не «получение благ» (весьма распространенная в литературе формулировка), а их «извлечение». Так, согласно «Толковому словарю русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю.Шведовой, извлечение предполагает более активное участие, чем «получение», связанное скорее с пассивным характером принятия чего-либо[1].

С учетом этого наиболее правильным представляется следующее определение коррупции в узком смысле: под коррупцией следует понимать злоупотребление должностным лицом своими непосредственными обязанностями в пользу других лиц, носящее осознанный и добровольный характер его осуществления с обязательным извлечением определенных выгод для себя.

Здесь целесообразно отметить, что не каждое использование власти в частных интересах и злоупотребление ею воспринимаются в обществе как коррупционное. «Например, если кто-либо, делая персональное одолжение, приносит при этом пользу обществу, многие признают эти действия, по крайней мере, приемлемыми»[2]. Таким образом, хотя коррупция обычно определяется как форма злоупотребления публичным положением, значение данного использования не может быть оценено универсально. Из-за несоответствия между абстрактным определением и его реализациями в реальном мире некоторые авторы выделяют белую (общепринятую), серую (отчасти осуждаемую) и черную (осуждаемую законом и обществом) коррупции[3].

Для коррупции, понимаемой в узком смысле, характерно не только злоупотребление своим должностным положением, оно предполагает также незаконное обогащение, по крайней мере, одного из акторов. Эта характерная черта коррупции вызвана, как правило, низким экономическим статусом должностного лица, его желанием финансово повысить свой уровень, а также тем, что чиновники склонны зачастую рассматривать обще-

---

[1] См.: *Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. − М., 1999. − С. 239, 557.

[2] *Ledeneva, A.* Russia`s economy of favours: blat, networking, and informal exchange. − Cambridge, 1998. − P. 42−43.

[3] См.: *Heidenheimer, A.* Political corruption: Readings in comparative analysis. − New Brunswick, 1970. − P. 26−27.

ственные ресурсы, которыми они поставлены распоряжаться, в качестве своих частных.

Необходимо подчеркнуть, что любой коррупционный акт выступает в качестве инструмента достижения определенных экономических выгод, в том числе для лица, предлагающего взятку. Предлагая взятку, лицо, выступающее в качестве агента рынка, стремиться обеспечить получение еще большего дохода. Тем самым оно пытается снизить транзакционные издержки, которые могут быть связаны с любым моментом ведения бизнеса, такими, например, как плата за выход на рынок, улаживание неких формальных процедур и т. д. Очевидно, что злоупотребление должностным положением возможно только в том случае, если нет контроля бюрократического аппарата, отсутствует тесная связь между обществом и государством, а также самоконтроль внутри самого социума.

Коррупция наиболее распространена тогда, когда в обществе и государстве бюрократия превращается в особый корпоративный социальный слой, наделенный широкими полномочиями. Чем больше взаимная разобщенность членов общества, тем менее возможен контроль деятельности бюрократического аппарата, тем больше возможностей для подмены общих интересов частными, особыми интересами этого аппарата.

В работе «Хозяйственная этика мировых религий» М. Вебер утверждал, что союзы наших дней, прежде всего политические, относятся к типу легального господства, т. е., что легитимность приказов обладателя власти основана на рационально сформулированных, согласованных правилах, а легитимность формулирования этих правил в свою очередь− на базе рационально сформулированной или интерпретированной «конституции»[1]. В связи с этим приказ будет следствием не личного авторитета непосредственного руководителя, а некоторой безличной нормы, при этом сам акт приказания является следованием норме, а не свободе произвола. В этом смысле должностное лицо «осуществляет власть» не от своего лица, а от лица безличного «учреждения».

Понимание М. Вебером бюрократических процедур подчеркивает саму сущность административной власти, характеризующуюся анонимностью, безличностью, огромным влиянием почти во всех областях общественной жизни, иногда сращиванием с экономической властью, обладанием информацией по самым животрепещущим проблемам, стоящим перед обществом, арсеналом принудительных средств.

Вместе с тем анонимность бюрократических процедур, нахождение в тени бюрократического административного аппарата (зачастую тяготеющего над сознанием личности) порождают у должностного лица чувство винтика в огромной машине, часто осознание своей несущественности. В свою очередь это приводит к развитию чувства безответственности за

[1] *Вебер, М.* Избранное. Образ общества. − М., 1990. − С. 67.

развитие общества и в итоге к ощущению своей безнаказанности при осуществлении коррупционных практик.

Следует также отметить, что, рассматривая природу коррупции, прежде всего имеют в виду коррупцию государственную. Вместе с тем в негосударственных организациях существуют те же предпосылки для коррупции. Именно поэтому и выделяют коррупцию в частной сфере, негосударственном секторе. Конечно, при этом необходимо учитывать, что масштабы коррупции в частном секторе несопоставимы с государственной коррупцией. В связи с этим, например, Левин и Сатаров отмечали: «Коррупция проявляется там, где есть власть, т. е. право принимать решения и распоряжаться ресурсами. Это могут быть бюджетные средства, государственные заказы или льготы либо, наоборот, − штрафы, запреты, те или иные наказания. К властным ресурсам относится право разрешения или запрета, право принять решение или уклониться от него. Не следует полагать, что речь идет только о государственной власти. Должностное лицо в фирме или общественной организации также обладает властью и возможностью распоряжаться ресурсами. Значит, и здесь есть возможность для коррупции»[1].

Итак, выводы:

в широком смысле коррупция − это система отношений, связывающих индивидов, постоянно воспроизводимая посредством особых механизмов;

в узком смысле − это злоупотребление должностным лицом своими непосредственными обязанностями в пользу третьих лиц, носящее осознанный и добровольный характер его осуществления обязательным извлечением определенных выгод для себя.

Список литературы

Добреньков, В.И., *Исправникова Н.Р.* Коррупция: современные подходы к исследованию. − М., 2009.

Кузнецов, К.В. Коррупция в менеджменте. − Казань, 2005.

Бурдье, П. Практический смысл. − М., 2001.

Вебер, М. Избранное. Образ общества. − М., 1990.

Руджиеро. В. Франция как проявление недовольства / Коррупция и бюрократизм: истоки и пути преодоления. − М., 1998. − С. 58.

Heidenheimer, A. Political corruption: Readings in comparative analysis. − New Brunswick, 1970. − P. 26−27.

© Токарев Б.Б., 2010

[1] См.: *Левин, М., Сатаров, Г.* Явление коррупции России // Независимая газета. − 1997. − 2 октября.